

О

бращая внимание на важнейшие проблемы общества, предлагая пути и концепции их социального и нравственного разрешения, русские писа-

тели середины XIX века постоянно обращались к теме развития женщины в самостоятельную, самодостаточную личность. Понятно, что к этой теме была неравнодушной и Евдокия Петровна Ростопчина, и ее женский взгляд на эту тему в определенной степени отличается от взглядов писателей-мужчин того времени. Недаром В.Г. Белинский отмечал, что «женщина лучше, нежели мужчина может изображать женские характеры, и ее женское зрение всегда подметит и схватит такие тонкие черты, такие невидимые оттенки в характере или положении женщины, которые всего резче выражают то и другое и которых мужчина никогда не подметит».

Как известно, женщина смотрит на окружающий мир по-другому, нежели мужчина. Это обусловлено, в первую очередь, ее природой. Но среди исследователей отечественной литературы достаточно широко бытует мнение, что «женский взгляд на мир... есть результат социально-исторического опыта женщины в мужском мире». Однако у Ростопчиной несколько

иное представление о «соотношении сил» в этих двух мирах. Она уверена в том, что женщина занимает особое место не только в семье и обществе, но и в общей гармонии мироздания, что ее сущность божественна. Для нее женщина — «...мятежное создание, / Рожденное мечтать, сочувствовать, любить, — / На небеса глядит, чтоб свет и упование / В душе пугливой разбудить» («Звезды полуночи»).

С точки зрения одного из современных исследователей творчества Ростопчиной — доктора филологических наук, профессора кафедры истории русской литературы МГУ Андрея Михайловича Ранчина, поэтесса считала главным предназначением женщины... быть «посредницей между Божеством и светом» — земным ангелом, оберегающим мужское сердце от сомнений и «жестоких смут». Такое понимание взглядов поэтессы не лишено оснований. О божественной сущности женщины Ростопчина пишет в своих стихах постоянно, подчеркивая, что «ей от небес дано ум сочетать с красою и уважение с любовью внушать...» («Моя красавица»). Весьма красноречиво подтверждает эту мысль, к примеру, стихотворение «Молитва не о себе»:

Не о себе молитвой умиленной
Молюсь я,
Не для себя судьбы благословенной
Желаю я,
Не за себя хочу пред небесами
Обет свершить,
И в храм перед святыми образами
Пришла просить..
Прошу слепому разуму прозренья!
Прошу в слезах
Неверующей думы усмиренья,
И падши в прах, —
Прошу, чтоб искупленье совершилось
Души другой, —
Чтоб, обновясь, она бы возвратилась
В закон родной!..
Чтоб страха Божьего ее пытала
Святая дрожь!..
Чтоб поняла, заблудшая, познала
Обман и ложь
Холодно-вольнодумного мечтанья!
Чтоб в светлый час
Господь принял в святыню покаянья
Обоих нас!..

В стихотворении «Равнодушной», обращенном к подруге, которая «презрения полна к земному счастью», давшей клятву «не знать волшебных уз взаимности сердечной», Ростопчина недвусмысленно подчеркивает:

Нет!.. верь, Бог милости, Бог пламенных молений
Не принял робкого обета твоего!
Верь, жертва слез твоих, постов и треволнений
Противна благости вселюбящей его!..
Не он ли создал нас, чтоб кротостью, терпением
Посланье ангелов в быту земном свершать?..
Не он ли нам велел быть миру утешеньем,
Мужчине гордому путь трудный облегчать
И от житейских смут в нем сердце охранять?..
Не он ли одарил нас пламенной душою,
Нам сердце, чувство дал, явил в нас благодать,
И в ум нам дар вложил, как верой и мольбою
Отступников ума с святыней примирять?..

Так!.. мы посредницы меж Божеством и Светом,
Нам цель творить добро, нам велено любить,
И женщина, любовь отвергнувши обетом,
Не вправе более сестрою нашей быть!..

Поэтесса пишет, что ей «небесным провиденьем лик милой девушки мерещит-ся во сне» («Что я люблю в красоте»), что она рождена «не для радости беспечной» («Я не для счастья рождена!»). В посвященном М.Ю. Лермонтову стихотворении «На дорогу!» снова и снова звучит мысль о посредничестве женщины между Богом и женщиной:

Но есть заступница родная
С заслугою преклонных лет, —
Она ему конец всех бед
У неба вымолит, рыдая.

Те же мотивы находим в стихотворениях «Тебе одному», «Молитвы дар», «Молитва об ополченных...», «Сестрам Крестовоздвиженской общины» и других. Поэтесса уверена, что Господь вразумит ее даже в минуты счастья:

Но если суждено мне видеть исполненье
Любимых сердца снов; но если надо мной
Денница радости прольет свой блеск златой;
Но если жизнь мою небес благословенье
Блаженством облечет, как праздничной фатой;
Тогда, чтоб в счастья души не забывалась,
Чтоб искушениям она не поддавалась,
Ты вразумишь меня!

(«Хранитель-крест»)

Я женщина: во мне и мысль и вдохновенье
Смирной скромностью быть скованы должны.

(«Черновая книга Пушкина»)

Мысль о таком посредничестве женщины звучала в мировой классике нередко. Скажем, выдающийся норвежец Генрик Ибсен утверждал: «Женщина — самое могущественное в мире существо, и от нее зависит направлять мужчину туда, куда его хочет повести Господь Бог». Но Ростопчина была, скорее всего, первой, кто обратился к этой мысли.

Небезынтересно мнение бельгийского ученого, профессора Каролины Де Магд-Соэп, автора обстоятельной работы «Женская эмансипация в русской литературе и обществе». Автор этой работы считает, что в русской литературе того времени «...ни один из авторов не создал образа героини, которая нашла бы себя в материнстве. Ни в одном из анализируемых нами произведений нет даже слабого намека на ту оду материнству, что звучит одним из важнейших мотивов в прозе Л. Толстого. Во всех произведениях звучит мысль о недопустимости для женщин ограничиваться только выполнением своих материнских обязанностей. Романисты, за исключением Н. Помяловского, практически не уделяют внимания проблемам образования детей. Создается ощущение, что русских писателей более всего интересуют отношения между мужчиной и женщиной».

Разумеется, к Ростопчиной, матери троих детей, такие наблюдения не имеют никакого отношения. «...если сердце бьется / За ребенка милого боясь, — / Лишь одна молитва остается / В немощи прибежищем для нас». Это могла написать только глубоко любящая мать. И совсем не случайно в стихотворении «Три любви» поэтесса ставит на первое, главное место именно любовь материнскую:

Есть матери любовь: она хранит и греет.
И нежно бережет, и ласками щедра;
Ее святым огнем жизнь бурная светлеет;
Ее влиянием глас долга и добра
И громче и звучней взывает в сердце юном:
Ее молитвою небесной веры луч
Нисходит иногда сквозь мрак житейских туч...

По мнению Ростопчиной, даже женщина-поэт не может слепо следовать за мужчиной. Не только в жизни, но и в своих стихах она должна оставаться скромной, не забывая о законах приличия:

Чтоб речь неполная улыбкою понятной,
Слезую теплую дополнена была;
Чтоб внутренний порыв был скован выраженьем,
Чтобы приличие боролось с увлеченьем
И слово каждое чтоб мудрость стерегла...

(«Как должны писать женщины»)

Порой женская тема у Ростопчиной приобретает высокое гражданственное и вполне современное звучание. В стихотворении «Русским женщинам» поэтесса с болью пишет о том, что Россия идет той же дорогой, на которой «...языческий кончался Рим / И разрушалась Византия, / Развратом отравясь своим!» Она считает, что «Безумной роскоши вампир / Сосет всех нас — и бесполезно / На роскошь ропщет целый мир». «О горе, горе поколениям, / Меж коих золото кумир...», — восклицает Ростопчина. Она называет жалкими те страны, «где алчут жаждой тленных благ», и говорит:

Бог им судья!.. Но их путями
Мы — добровольные слепцы, —
Зачем, куда идем мы — сами
Своей гибели творцы?
Пора прозреть, пора очнуться
И, вспомнив о судьбе детей,
С кровавым плачем обернуться
На разоренье всех семей!

На пути такого прозрения поэтесса считает чрезвычайно важной роль женщин, которых «соблазняет мода», у которых на полках этажерок так «много дряни дорогой» и «от тряпок сундуки ломаются в загроможденных кладовых».

И что нам в том?.. Или мы краше?
Иль мы счастливей и милей?
Иль мир прочней над кровлей нашей
И на душе у нас светлей?
Гордясь мишурной обстановкой,
Избежим ли судьбы угроз?
Или под штофной драпировкой
Поменьше льется женских слез?

Тема предназначения женщины звучит и в прозе Ростопчиной. Ее прозаическим дебютом стала повесть «Чины и деньги». Произведение называли образцом «жанра «светской повести» с романтическим конфликтом возвышенного героя и бездушного окружения». Под явным влиянием Одоевского написана следующая повесть писательницы — «Поединок», навеянная интересом к таинственному и мистическому в жизни. Оба произведения созданы предположительно в 1838 году и опубликованы одной книгой, вышедшей в Санкт-Петербурге в 1839 году под названием «Очерки большого света». «Таинственное и мистическое» отразилось

и в том, что книга вышла под псевдонимом Яновидящая. Среди прозаических произведений Ростопчиной роман «Палаццо Форли» (1842–1850), повесть (иногда именуемая романом) «Счастливая женщина» (1851–1852), «У пристани. Роман в письмах» (1857) и другие. Ростопчиной принадлежит также драма «Нелюдимка» (1850), комедия «Возврат Чацкого в Москву, или Встреча знакомых лиц после двадцатипятилетней разлуки» (1856) и некоторые другие произведения, написанные для театральной сцены.

И в прошлом, и сегодня исследователи творчества Ростопчиной неоднократно высказывали мнение, что ее прозаические и драматургические произведения, как правило, заметно слабее ее поэзии. Например, уже названный выше профессор А.М. Ранчин убежден, что ее «проза и драматургия уступают по художественным достоинствам лирике. Лучшие стихи Ростопчиной не поблекли в ослепительном созвездии окружавших ее имен, а ее лирика открыла новые возможности для женской поэзии». При этом А.М. Ранчин убежден, что сюжеты прозы Ростопчиной, неся отпечаток биографии автора, напрямую связаны с мотивами ее лирики. «В основе сюжета — конфликт влюбленных, несчастливый брак, борьба чувств и супружеского долга, «незаконная» любовь, гонимая светом».

Наиболее отчетливо рассматриваемая нами тема звучит в повести «Счастливая женщина». В свою очередь, скажем, что произведение это среди прозы Ростопчиной далеко не лучшее. И, тем не менее, оно интересно тем, что литературоведы и биографы писательницы дружно относят его к числу автобиографических. Правда, сама Ростопчина по этому поводу писала: «...до меня дошло, что в высшем петербургском обществе очень возстают на мой роман, уверяя, что я в нем описала себя, рассказывала свою жизнь, что в нем узнаются известные лица, и теперь существующие в обществе, что это цинизм... Есть ли на свете писатель, кого бы не упрекали тем же самым, и не всегда ли, и не везде ли праздные сплетни и безучастные толки света старались злоумышленно смешать автора с его героем, видеть самого создателя какого-нибудь типа в лице, им представленном, и в чертах безмолвного творения порицать и оскорблять его творца, невольно беззащитного, чтоб терпеливо сносить личные на него нападения?.. Не то же ли было и с де Сталь, которую наперед хотели видеть и в Коринне и в Дельфине? Не то же ли было и с Байроном...»

Героиню повести Марину Ненскую «везде называли счастливейшею женщиной». Ростопчина называет ее «одною из любимиц счастья и судьбы, избалованных избранниц рока и случая, захотевших показать в ней создание, вполне одаренное для благополучия и для наслаждения всем тем, что только принято считать за благо в жизни». В самом деле, она была богата. «Для иных в этом слове все заключается», — пишет Ростопчина. Автор подчеркивает, что Марина «была по рождению и по замужеству из таких семейств, которые везде могут ожидать почта, по громкой известности и блеску знатного имени». Помимо этого, она была хороша собой, умна, добра и свободна. «Свободна, — уточняет писательница, — хотя замужем, потому что совершенное несогласие возрастов, характеров, склонностей и привычек скоро ослабило союз, заключенный с обеих сторон не по сердечному желанию, а по ошибочным соображениям. Без ссор и неудовольствий, без жалоб и огласки, не допускаемых между людьми известного света и воспитания, прилично и с достоинством, сохраняя все формы взаимного уважения, Марина Ненская и муж ее разъехались, чтоб жить каждый по-своему, напрасно попытавшись связать свои разно направленные жизни».

Рассказывая о жизни своей героини, Ростопчина нередко переходит от прозы к открытой публицистике. Таковы, к примеру, ее мысли о воспитании девушки в семье, которые злободневны и в наше время: «Где преподают девушке прямую и грустную науку жизни?.. Где приготавливают ее к борьбе, к испытанию, к душев-

ному изменению, слишком часто ожидающим ее на житейском поприще? Где твердые основы всякого воспитания — учение горьких и глубоких истин жизни, стойкость убеждений и самопожертвование, внушаемое заранее ради веры и христианского самоотречения?.. Где, наконец, истолкование о долге, об обязанностях, о всех тяжких, но неизбежных тайнах, ожидающих женщину на ее земном пути — и для которых ей нужно бы запастись такою теплою верою, таким сильным чувством строгого долга, таким терпением и такою твердостью?»

В этих вопросах Ростопчиной по существу и заключены ее взгляды на предназначение женщины, в котором не последнее место должны занимать самопожертвование, долг, вера, терпение и твердость. Светским воспитанием своего времени она разочарована: «Нет, этого обыкновенно не имеют в виду в светском воспитании, в развитии дочерей и девушек тех семейств, которые живут и вращаются в мелочах и суетах не общественной, а общепринятой светской жизни! Но зато обычай, тон, приличие, все условное, все принятое имеют между ними силу закона и до известной степени, покуда... до слишком потрясающего столкновения женщины с искушениями и трудностями жизни, заменяют ей все то, что не дало ей ложно направленное ее воспитание, все то, чего недостает в ее уме, в ее душе для защиты и ограждения ее».

Муж героини повести «до сорока пяти лет и до второго своего парика прекрасно прожил без жены, вовсе не замечая, чтобы ему чего-нибудь в жизни недоставало, и не поддавался никогда на все убеждения, намеки и рассуждения о необходимости и пристойности брака, которыми его обильно угощали маменьки и тетеньки во всех домах, куда он ездил и где были зрелые невесты». Он «ничего не любил на свете, кроме дел своих, денег, оборотов, значения в обществе, да хорошего повара». Для таких, пишет Ростопчина, женщина — это «дама, которую они ценят, смотря по тому, какое положение она занимает в свете и с кем в родстве или сношениях. Нарядное платье, модная шляпка, необходимая светскость и благовоспитанность, вот все, чего они требуют от женщины вообще и от своей жены особенно. Более им и не нужно!»

Но Марина была пылкой и страстной, а в то же время чистой и непорочной, набожной и благочестивой: «Запретная мысль, грешное искушение не могли прийти ей в голову. Поняв свою супружескую долю как отсутствие любви, Марина не думала, не хотела, не могла искать замены позволенному счастью. Строгие правила нравственности врезались глубоко в ее душе, воспитанной в подчинении им». Героиню повести тяготили «удовольствия шумного света» с их пустотой и суетой, и она стала задавать себе вопрос, «для того ли она на свете и затем ли родилась». И она решила, что «ничего более не будет там искать, и действительно, ничего не искала». Но «два условия женского бытия», которые Ростопчина определяет как «нравиться и быть любимой», не могли исчезнуть в Марине Ненской. И, как пишет Ростопчина, «снова для Евиной правнучки в тысячном поколении свершалось испытанное столь многими дочерьми и внучками общей прародительницы — возобновлялась эта вечная драма женщины, тоскующей, пытливой и праздною, раздумывающей о своей участи и недовольной ею».

Марина пытается найти свое счастье там, где и должна находить его женщина, — в любви. Она влюбляется в молодого дворянина Бориса Ухманского. Он тоже любит ее, но, слабый характером, не в силах противостоять матери, которая недовольна связью сына с замужней женщиной. Борис несколько лет мечется и находит выход в том, что оставляет возлюбленную. Финал повести трагичен: счастливая женщина оказывается «убитой своим счастьем». Произведение Ростопчиной как бы предвосхищало толстовскую «Анну Каренину», но, конечно, в более бледном виде.

Современные критики считают, что образ действительно счастливой женщины Ростопчиной удалось создать в романе «Паластро Форли», написанном в 1842–1850 гг. В этом произведении автор отвечает на вопрос о том, что нужно женщине для счастья. Ростопчина полагает, что у женщины не только должны быть чистые помыслы и светлая душа, не только взаимная любовь. По ее мнению, женщина должна быть занята еще и любимым делом, в котором может реализовать все свои способности. Однако личная судьба Евдокии Петровны Ростопчиной показывает, что счастье — куда более сложное состояние внутреннего мира человека. Были у нее и любовь, и любимое дело. Но почему же она утверждала:

Я не для счастья рождена,
Тоска во мне затаена
Болезнью сердца вековечной!..

Выходит, что предназначение женщины быть посредницей между Богом и мужчиной и женское счастье вступают в некое противоречие друг с другом. Именно об этом пишет Ростопчина в том же стихотворении «Я не для счастья рождена!»:

Как пестрой россыпью цветы
Мелькают в складках черной ткани —
Так, меж сомнений и страданий,
Блещат мне светлые мечты.

Словом, как считает один из современных мыслителей, «не существует пути к счастью: счастье — это и есть путь».

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Белинский В.Г. Полное собрание сочинений / В.Г. Белинский. — М.: Издательство Академии наук СССР. — Т. IV, 1954.

Ростопчина Е. «Вы вспомните меня...»: избранные стихотворения / Е. Ростопчина; состав. В. Сергеев; вступ. статья В. Жихарева. — Воронеж, 2012.

Ростопчина Е. Счастливая женщина: литературные сочинения / Е. Ростопчина; вступ. статья и комментарии А.М. Ранчина. — М.: Правда, 1991.

Русская женщина. Предназначение и судьба: материалы международного теоретического семинара. — Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1998.

Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь / Гл. ред. П.А. Николаев. — М.: Большая Российская энциклопедия. — Т. 5. П–С., 2007.

«Сердца чуткого прозреньем...»: повести и рассказы русских писательниц XIX века. — М.: Советская Россия, 1991.

Энциклопедия афоризмов (В мире мудрых мыслей). — М.: АСТ, 2000.

